

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ДРУГАЯ УЛИЦА

ЭКМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 89

Бушков А. А.

Е 89 Другая улица / Александр Бушков. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-699-70751-5

Верить этому или нет? Историй слишком много, рассказаны они разными людьми в разное время, и все же невольно обращаешь внимание на одну странную вещь, которая их все объединяет: извечная борьба Добра и Зла может вдруг принять такую невероятную, неземную, необъяснимую форму, что вмиг рушатся все наши устоявшиеся представления о реальности и адекватности. Может быть, причиной тому — война, которая яркой декорацией стоит за всеми этими историями? Война, которая в своем адском котле смешивает воедино Добро и Зло, Правду и Ложь, Реальность и Вымысел?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70751-5

© Бушков А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

СТРАННЫЙ КАПИТАН

Вообще-то смело можно сказать, что любой военно-полевой хирург, чем дольше времени провел на фронте, тем больше насмотрелся всяких необыкновенных вещей. Целые книги писать можно. Вот, скажем, осколок, как будто кто его специально так направил, попадает точнехонько меж двумя крупными артериями или нервами. На пару миллиметров правее-левее — и приключилась бы мгновенная смерть. А так — все обошлось. Иногда — да часто — такие осколки или пули мы не брались извлекать. Начнешь извлекать, шелохнется он не так на этот самый миллиметр — и конец. Потом понемножку врастает, место свое, так сказать, занимает в организме, и человек с ним живет иногда долгими десятилетиями без всякого вреда для организма.

Осколки и пули порой вытворяют удивительнейшие вещи. И не только они. Одного майора при близком разрыве ударило не осколком, а длинной деревянной щепкой санти-

СТРАННЫЙ КАПИТАН_____

метров двадцати в длину. Прошла насквозь кожную складку под подбородком, да так и осталась торчать. Не проткнула гортань, не задела ни крупные сосуды, ни челюстно-лицевые нервы. Осторожненько разрезали кожу, вынули деревяшку, убедились, что ничего не задето, наложили швы — и майор после небольшой перепалки вернулся к себе в батальон.

Да столько рассказывать... Но это все, пусть даже необыкновенное, укладывается в некие рамки. Пожалуй, даже необыкновенным назвать нельзя. Диковиной уж скорее, что ли. А вот настоящее необыкновенное я наблюдал лишь однажды. Твердо знаю, что привидеться мне не могло. Ну а объяснения до сих пор найти не могу, собственно, давным-давно перестал гадать и ломать голову. Все равно бесполезно.

Я тогда, будучи хирургом, служил в дивизионном медсанбате — именно там квалифицированные специалисты занимаются ранеными, так сказать, обстоятельно. Как была устроена система медицинской помощи на фронте, многие и не представляют — но там было четко отлажено несколько этапов. В батальонных и полковых медпунктах накладывают повязки, простые и сложные, ставят шины при переломах, колют обезболивающие, противостолбнячные — вот примерно и все. Операций там не делают. Квалифицированные хирурги — это

уже в дивизионном медсанбате, за несколько километров от передовой. Именно туда и везут всех, кому требуется операция. Да бывало и не довозили. Но так уж устроена система. В медсанбате — более-менее сложное оборудование, и если выдвинуть его непосредственно к «передку», сами понимаете, что может произойти. Бомбежка или случайный снаряд — и дивизия осталась без медсанбата...

Дивизия наступала, все только началось и разворачивалось, так что наплыва раненых пока что не было — такого, при котором и человеком быть перестаешь, и сознание отключается. Становишься каким-то автоматом, работаешь, не думая и не рассуждая, иногда и сутки...

Но все равно, раненых подвозили уже столько, что передышек не было. Этого капитана принесли ко мне в операционную палатку где-то после полудня. Дали наркоз. Я посмотрел карточку и приступил...

Осколочное ранение в правое бедро, в верхнюю треть. Кроме повязок ему наложили еще и шину, но это уж они переусердствовали: кость, очень быстро выяснилось, не только не перебита, но и не задета. Осколок как-то так ворохнулся, что кость не затронул, а вот мягкие ткани разворотил изрядно — порвало, перекрутило, кровь пошла в мышцы, а это само по себе не есть хорошо. Но методика чистки

СТРАННЫЙ КАПИТАН

таких ран давно отработана. Делается несколько разрезов, как бы послойно... Ну, это неинтересные подробности, не в них дело...

Короче говоря, в ходе разрезов и иссечения настал такой момент, что полностью открылся взгляду участок кости: длиной около десяти сантиметров, шириной — три-четыре...

Это сейчас может показаться, что у меня было много времени для наблюдения этого невероятного зрелища. Но я просто-напросто рассказываю долго. А тогда все продолжалось хорошо если полминуты.

Промокаю поверхность от крови — и вижу.. По всей поверхности кости, по тому участку, что доступен для обозрения, идет такая сетка. Похоже на татуировку по коже, но какая на кости может быть татуировка или рисунок? Весь участок кости покрыт этой сеточкой: геометрически правильной, чертовски правильной, идеальной, можно сказать. На белой кости она выделяется четко: пепельного, серого цвета. Ячейки ромбовидные, стороны чуть-чуть вогнуты. Сложите два пальца каждой руки, любые, хотя бы указательный и большой, потом сдвиньте кончики. Вот-вот. Останется пространство наподобие ромба с вогнутыми сторонами. Очень похоже. И размер немногим больше. На пересечениях линий будто бы пупырышечки, едва заметно выступающие над сеткой. Такая вот картина.

Настоящей запарки еще не было, и кое-какое любопытство у меня появилось. Очень уж все было неправильно. Не должно у человека на поверхности какой бы то ни было кости быть этакой вот геометрически правильной сеточки, узора, словно бы нанесенного механическим устройством. И последствием какого бы то ни было ранения это зрелище оказаться не может. Невозможно представить, как такое могло бы получиться в результате ранения. Диковина невероятная.

Я промокнул участочек, потрогал пальцем — в хирургической перчатке, конечно. Это не краска, не копоть, не ожог, просто кость покрыта этим чертовым рисунком, и все тут. Попробовал кончиком скальпеля, остороженько, аккуратно — опять-таки ни крупиночки не отслоилось. И эта сетка уходила под неповрежденную мышечную ткань — это я потом убедился, когда делал разрез.

И что? А ничего. Нет времени разглядывать эту диковину, некогда любопытство тешить, надо делать новые разрезы, закладывать в рану пропитанные марганцовкой тампоны — это чтобы не допустить особого вида инфекции. Есть микробы... Впрочем, и это отношения к делу не имеет.

Очень скоро под тампонами и перевязками уже не видно было этой странной сеточки. Закончили мы быстро, и капитана унесли в па-

СТРАННЫЙ КАПИТАН

латку послеоперационных. А на стол ко мне уже клали следующего, с пулевыми ранениями легких, тут уж ни о чем постороннем и думать было некогда...

Собственно, это и все. Странная, неправильная сеточка-узор на кости, которой, с точки зрения науки, просто-напросто не полагается быть. Никогда прежде подобного в научной литературе не фиксировалось. Костные наросты и шипы — это совсем другое, никакого сравнения. Непонятный, геометрически четкий узор, неотъемлемая часть кости... Такого не бывает. Но я это видел своими глазами, пусть и очень недолго. Нельзя, конечно, ничего утверждать, но у меня осталось впечатление, что вся его бедренная кость была покрыта этим непонятным, странным, правильным узором. А может, и в с е кости.

Что дальше? А дальше и начался тот самый наплыв, когда упахиваешься так, что перестаешь соображать, сколько времени прошло, скольких прооперировали и вообще на каком ты свете. Начался жуткий конвейер, когда за великое счастье считаешь, если удастся вздремнуть часок или вытянуть папироску. Ну, или глоток спирта пополам с крепким чаем — помогает... Ничего вокруг: только кровь, кости, рваное мясо, инструмент...

И закрутилась эта адская карусель чуть ли не на трое суток — ну да мне к тому времени

было не привыкать. Потом улеглось: наступление закончилось, дивизия стала закрепляться на новых позициях, немцы, соответственно, срочно строить оборону. И когда я немного отоспался, любопытство все-таки взяло свое.

Или не любопытство? Я еще до войны напечатал несколько статей, подумывал о диссертации, но сорок первый все перечеркнул. Попытался выяснить, что можно было. И ничего не получилось. Капитана к тому времени уже эвакуировали в тыл. Все по правилам: когда врачи окончательно убедятся, что нет ни инфекционного процесса, ни воспалительного, ни газовой гангрены, прооперированного нужно отправить в эвакуогоспиталь. Больше ему здесь находиться ни к чему, да и время такое, что каждое койко-место на счету.

Ни имени, ни фамилии, ни его воинской части никто не знал. Когда раненым занимаются на переднем крае, заполняют так называемую «медицинскую карточку передового района». Там стояло только: «капитан-артиллерист, осколочное ранение бедра». Ясно, как это следовало понимать: никто из тех, кто его выносил и делал первичные перевязки, не знал фамилии. Видели капитанские погоны с артиллерийскими пушечками — так и написали. Сам он должен был быть без сознания. А документов при нем не имелось. В этом никак не следует видеть что-то странное. Документы он

СТРАННЫЙ КАПИТАН_____

мог оставить у себя в блиндаже. Их могли сгоряча выкинуть вместе с отрезанной штаниной, где они и лежали в кармане. Наконец, хотя об этом противно говорить, бумажник мог стянуть и санитар. И такое случалось, если откровенно. Обычная картина что для наступления, что для обороны: части перемешались, капитана подобрали те, кто его не знал. Сплошь и рядом случалось.

Одним словом, ни следочка. Самый обыкновенный на вид мужчина, под сорок, лицо скорее славянское, гимнастерка ношенная, типичнейший фронтовик. Но и теперь, как профессор и доктор медицинских наук могу сказать со всей определенностью: я не знаю, что это было такое. Никто никогда и не слыхивал о костях, покрытых странным, четкой геометрической формы узором, словно бы составляющим с ними единое целое. Болезни, способные вызвать такое, неизвестны. О мутациях говорить несерьезно — поскольку нет объекта исследования. Никаких предположений выдвинуть невозможно. Тупик. Кто он? Почему? Откуда? Как? Ответов нет.

Я просто-напросто это видел своими глазами. Ручаюсь...

НЕПРИЯТНЫЙ ДЕД

Было это день на пятнадцатый войны, точно не припомню. Отступали мы давненько, вся наша троица. Я вот именно такое слово и буду употреблять — отступление. Потому что когда трое погранцов двигаются с четкой и конкретной задачей — найти наконец место, где стоят какие-то заслоны, где есть сборные пункты и идет формирование частей, где наконец-то можно попасть на пограничное начальство — это именно что отступление с конкретной целью. А не так, когда толпы народу из разных родов войск драпают сами не зная куда, лишь бы подальше на восток.

Мы к этому времени уже перестали думать и гадать, как все происходящее понимать: где главные силы, почему не разворачиваются, а немцы прут как хотят. Смысла не было. Ответа нам никто не мог дать, так толку-то перетирать из пустого в порожнее? Лучше уж нацелить себя на одно: идти вперед и надеяться,

НЕПРИЯТНЫЙ ДЕД

что найдем нужное. Поставить себе задачу, и — марш-марш вперед, рабочий народ...

Двигаться мы старались боковыми дорогами, так сказать, переулочками, не замешиваясь в общую массу. Меньше шансов попасть под бомбежку — немцы по головам ходили. С другой стороны, как раз окольными дорогами немцы и пускали разведку, а то и крупные силы. Ну, это уж как повезет. Местность тянулась лесистая, танки или автоколонну слышно издалека, да и не заметили мы у них желания рыскать по лесам: прут себе и прут. А обернуться может по-всякому: попался нам на глухой дорожке один-единственный мотоцикл с тремя гансами. Всего оружия и боеприпасов у нас и было, что мой наган с двумя патронами. Оба потратил на колеса, ну а потом, когда они кувырнулись... справились и так, благо один из них сразу шею сломал. Пограничники как-никак. Не первого года службы. На заставе... Ну, на заставе мы сделали все, что могли, уж честное слово.

В общем, разжились автоматом, двумя карабинами и кое-какой жратвой. Мало ее, правда, оказалось, ну да лучше, чем ничего. В первую голову, конечно, была идея сесть на мотоцикл и лупануть, насколько бензина хватит. Запасное колесо у них, аккуратистов, имелось. Вот только мотоцикл, пока кувыркался, переднюю вилку и руль угробил совершенно.

Так что двинули в пешем строю, стараясь и от проселочных стежек подальше держаться. Хуже всего было не под пулю попасть, а в плен. Тут бы они нам и выписали со всем усердием: дураку ведь ясно, как мы себе, такие бравые, немецкое оружие раздобыли. И потом, к тому времени мы уже малость слышали, что пограничников они, гады, стреляют на месте. Очень уж их душевно встретили на границе погранвойска товарища Берии, озлились они на нашего брата. Фуражек, конечно, ни у кого уже не было, черт упомнит, куда и делись в горячке, но зеленые петлицы — вот они, у каждого на воротнике. А спарывать... Хрен вам с присвистом и с поворотом! Еще скажите, документы закопать...

Скудненького немецкого сухпая, как ни растягивали, хватило на два дня. И шагали мы дальше под веселое урчание кишок. Деревень в тех местах не было, больше хутора. Диковатые места: совсем неподалеку Полесье, вовсе уж глухоманные края. Да и окажись там деревня, еще подумаешь сто раз, заходить или нет. С одной стороны, мы этих самых белорусских братьев освободили от гнета белопанской Польши. С другой — и двух лет не прошло, как освободили. Разный был народец, к иному и светлым днем спиной поворачиваться не стоило. Поди догадайся, угнетенный это белорус или польский кулачина, которых тут спе-